

ной вдали массой стѣнъ, колоколенъ, церквей, фасадовъ, темнѣющихъ купъ въ садахъ и цѣлыхъ рошъ. На первомъ планѣ, внизу, Новодѣвичій монастырь рѣзко поднималъ въ воздухъ свою темнокрасную ограду съ бойницами и зубцами. Справа, Нескучный садъ спускался зелеными террасами и вдали дворецъ надъ болѣе блѣдной площадкой пологого цвѣтника. Въ зелени стояла и Мамонова дача. Извивы рѣки омывали луговину подъ монастыремъ. По ней ѣхала пролетка къ перевозу, противъ трактира, стоящаго у самаго берега, наискосокъ купальни.

На террасѣ, въ одномъ углу, сидѣло человѣкъ пять нѣмцевъ; одинъ былъ мѣстный, московскій; остальные — заѣзжіе, иностранцы. Онъ имъ только-что все показывалъ и объяснялъ на картѣ. Теперь они, весело, точно отработали срочную работу, разсѣлись вокругъ стола, ѣли и чокались пивомъ.

Русская барыня, въ осеннемъ бурнусѣ, задумчиво смотрѣла вдалѣ, съ приподнятыми бровями. Нѣмецкій разговоръ, перемѣшанный со смѣхомъ, слышался и въ лѣвомъ углу, гдѣ двѣ молодыхъ особы, нарядныя на особый ладъ, уже переглядывались съ компаніей мужчинъ.

По крутому, обвалившемуся спуску, съ первой площадки, подъ террасой ресторана, поднимался высокаго роста военный и велъ даму подъ руку, тоже рослую.

Военный былъ Рынинъ. Онъ носилъ адъютантскую форму, съ штабъ-офицерскими эполетами на сюртукѣ. Въ тѣлѣ онъ немного раздался и держалъ свой станъ не такъ жестко, какъ годъ назадъ; бородка, подстриженная на щекахъ, придавала его уже загорѣлому лицу больше тонкости и вообще очень мѣняла его.

Рынинъ велъ въ гору жену свою, Зинаиду Мартыновну. Она измѣнилась гораздо сильнѣе его: пополнѣла въ груди и талѣ, лицо точно отекло немного, было все такое же блѣдное, немного изжелта; глаза смотрѣли менѣе выразительно и строго; ротъ держала она полуоткрытымъ, почти болѣзненно. Сѣрое шерстяное платье, отдѣланное шерстяными кружевами, такая же шляпка, не особенно высокая, и короткая пелеринка, стянутая въ плечахъ, составляли ея туалетъ. Она держала зонтикъ на правомъ плечѣ, почти не защищала себя отъ солнца. Мужъ придерживалъ ее крѣпко рукой своей; онъ чувствовалъ, что поднимается она тяжело и сгибается на ходу колѣни.

— Qu' as-tu? — спросилъ онъ ее и остановился на половинѣ подъема.

— Rien, — отвѣтила она небрежно, скучающимъ тономъ.